

Как рождался послевоенный мир

А. Ю. Борисов*

Семидесятилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) вновь и вновь обращает благодарную память потомков к тому героическому противоборству наших дедов и отцов с фашизмом, которое продолжалось без малого четыре года и закончилось полным разгромом гитлеровской Германии и ее сателлитов. Это была поистине титаническая борьба Советского Союза при поддержке его союзников по антигитлеровской коалиции — США и Великобритании, потребовавшая сверхнапряжения всех духовных и физических сил народов СССР, колоссальных людских и материальных потерь, и исход которой был изначально отнюдь не предрешен.

Победа в войне всегда предстает задним числом безальтернативной в глазах победителей. История Второй мировой войны не была исключением. На самом деле, все было далеко не так, и, с большей или меньшей долей уверенности, говорить о реальных шансах на победу над державами «оси» стало возможным лишь с вступлением в войну 22 июня 1941 г. Советского Союза, краха гитлеровских планов «блицкрига» на Восточном фронте и, особенно, коренного перелома в войне в сражениях под Сталинградом и на Курской дуге.

До этого будущим союзникам СССР было явно не до победы, их скорее занимал вопрос, как выжить в борьбе с фашизмом. Советский полпред в Лондоне И. М. Майский в своей телеграмме в НКВД сообщал о беседе с У. Черчиллем, состоявшейся вскоре после разгрома Франции в мае 1940 г. «Черчилль ответил на мой вопрос о его генеральной стратегии очень кратко и красочно: „Моя генеральная стратегия, сказал он, — состоит сейчас в том, чтобы выжить в течение ближайших трёх месяцев“»¹.

В наши дни немецкий журнал «Шпигель», опубликовал статью под эпатажным заголовком: «Альтернативная история: что было бы, если бы Гитлер победил?». В частности журнал рассуждает о том, каким стал бы мир, если бы вермахту в нача-

ле 1940-х годов удалось завоевать Советский Союз. И как бы протекала война дальше. Вот что думают по этому поводу некоторые авторитеты на Западе. Например, британский историк Майкл Бёрли считает: «С большой долей вероятности можно утверждать, что военные и захватнические цели Гитлера стали бы просто безграничными». Другие современные западные историки называют Гитлера «ненасытным глобалистом», стремившимся к абсолютной власти над миром. По словам историка Андреаса Хилльгрубера, диктатор хотел завоевывать все новые и новые территории — до тех пор, пока ему не пришлось бы вступить в решающую схватку за мировое господство с США.

По мнению Бёрли, к середине 1970-х годов гитлеровский рейх выглядел бы следующим образом: были бы построены «безгранично длинные» дороги, которые бы соединяли немецкие города в Европе с порабощенными территориями в Сибири и солнечным Крымским полуостровом. В то время как там, «на немецкой Ривьере», наслаждались бы жизнью самозванные представители «расы господ», в Западной Сибири ежедневно гибли бы тысячи и тысячи рабов. Туда эсесовцы после победы над Советским Союзом депортировали бы 31 млн человек из Восточной Европы, чтобы освободить место для 10 млн немецких переселенцев из других районов мира. Как известно, это было предусмотрено в Генеральном плане «Ост» («Восток»), разработанном в ведомстве Гимmlера в 1942 г. и реконструированном Бёрли.

Из Берлина, переименованного в новую столицу рейха «Германия», Гитлер планировал руководить военными действиями по всему миру. «Возможно, — самонадеянно говорил он, — нам предстоит борьба, которая продлится 100 лет. Если это так, то тем лучше — она уберезет нас от благостного сна». Такое будущее обещал человечеству нацизм, если бы в смертельной схватке с ним не выстоял и не победил советский народ. Как справедливо заключает немецкий журнал, «в случае победы Германии в войне

* Александр Юрьевич Борисов — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник II класса.

против Советского Союза начался бы настоящий век ужасов»².

Об этом сегодня нелишне напомнить некоторым сторонникам «нового прочтения истории», которые под влиянием итогов «холодной войны» принижают роль Советского Союза во Второй мировой войне и поднимают на щит выше всякой меры вклад западных союзников, особенно Соединенных Штатов. Как показали торжества в связи с 70-летием начала операции «Оверлорд» — высадки союзных войск на Севере Франции в Нормандии в июне 1944 г., европейцам настойчиво внушают, что именно американская военная мощь освободила Европу от фашизма. В своей юбилейной речи президент Обама, вероятно, под влиянием украинского кризиса, обошел молчанием решающий вклад Советского Союза в победу над фашизмом.

Остается напомнить, что к моменту высадки Красная Армия уже приближалась к границам Германии и судьба Третьего рейха была решена. Не случайно, в то судьбоносное время в журнале «Тайм» появилась насмешливая карикатура. Ее сюжет был прост и выразителен. Заспанный Черчилль в 4 часа утра снимает телефонную трубку и слышит знакомый голос: «Уинстон? Это я, Джо (Сталин). Я у Кале. Теперь вы можете переходить Ла-Манш. Теперь безопасно»³.

Шутки-шутками, но вопрос о сокращении сроков войны в Европе принимал для жаждущих мира европейцев совсем не шуточный характер, о чем в полной мере тогда даже и не подозревали. Дело в том, что в силу логики военного противоборства и совершенствования военных технологий конец войны пришелся на начало ядерного века. В США полным ходом шли работы в рамках «Манхэттонского проекта» и завершалась подготовка к испытанию первого ядерного устройства. Хотя эти факты старательно замалчиваются на Западе и, по неизвестной причине, не заинтересовали отечественных исследователей, судя по американским источникам, первоначально применение ядерного оружия планировалось американцами против городов Германии, а не только Японии. Сегодня это кажется невероятным сценарием, но тогда легко вписывалось в смертельную логику войны. Весь вопрос заключался в темпах и синхронизации военного наступления с запада и востока.

В военных кругах США «супербомба» долгое время не рассматривалась как нечто принципиально новое. По мнению адмирала У. Леги, начальника личного штаба президента Рузвельта, это была всего лишь новая «более мощная взрывчатка». Англо-американские «ковровые» бомбардировки Дрездена в феврале 1945 г. с применением обычных фугасов и зажигательных бомб мало чем отличались по числу жертв от последствий первой ядерной бомбардировки Хиросимы. Всего согласно подсчетам англичан в результате воздушных бомбардировок германских городов погибло более 600 тыс. человек⁴.

Изучивший по архивным документам этот вопрос американский автор У. Пинкус пишет: «Подбор первоначальных целей в рамках Манхэттенского проекта был осуществлен в 1944 г., когда война против нацистской Германии все еще продолжалась. Поэтому предусматривалось применение (атомного) оружия против Германии и Японии, что предусматривало различную тактику». Специально прикомандированный к «Манхэттенскому проекту» английский ученый Уильям Пенни — специалист по взрывотехнике, занимался отработкой этой тактики применительно к архитектурным и конструкционным особенностям немецких и японских городов.

Как после войны вспоминал Пол Тиббетс, пилот бомбардировщика B-29, названный в честь его матери «Энола Гей», с которого была сброшена первая атомная бомба на Хиросиму, в Адриатическом море уже был найден остров в качестве базы дислоцирования американских бомбардировщиков на европейском театре военных действий. Тиббетсу было приказано подготовиться «для нанесения бомбовых ударов одновременно в Европе и по Японии». Однако к весне 1945 г., еще до того как первая атомная бомба была готова, поражение нацистской Германии стало свершившимся фактом. «Поэтому планы были ограничены Японией», вспоминал он. Получается, что немцы, которые сегодня так любят учить русских демократии, были на волосок от испепеляющего ядерного удара и их спасло стремительное наступление Красной Армии, хотя в исторической литературе это наступление изображается всего лишь как «гонка за Берлин»⁵.

Между тем, если бы в роли освободителей Европы, как принято сегодня считать на Западе, выступили англо-американские войска, то еще неизвестно, как сложилась бы судьба старого континента. Ведь до атомного «часа X» оставалось каких-то 2–3 месяца. И любая «заминка» в приближении конца войны могла оказаться роковой. А единственное крупное сражение англо-американцев с вермахтом после высадки, так называемая «Битва на выступе» ими было по существу проиграно, если бы не помощь Красной Армии. Об этой стороне войны тоже не любят вспоминать на Западе. А эта история под тенью «атомного гриба» стоит того, чтобы о ней напомнить.

В сентябре 1944 г. западные союзники, освободив Париж, без серьезных боев с немцами вышли к границам Германии. Их наступление застопорилось только из-за перебоев со снабжением и растянутости линий коммуникаций. Казалось, конец войны был совсем близок. В войсках уже царил победная эйфория. Но так только казалось. Разыгравшиеся вскоре на Западном фронте кровавые события явились полной неожиданностью для наших союзников и наглядно показали силу и мощь немецкого оружия даже в конце войны, противостоять которому на равных и побеждать в той войне мог только советский солдат.

Вечером 12 декабря 1944 г. группа генералов вермахта — командиров армейских соединений на западном фронте была срочно вызвана в штаб к главнокомандующему фельдмаршалу Рундштедту. Специально подготовленный автобус, пропетляв полчаса по заснеженным дорогам с погашенными фарами, доставил их к входу в подземный бункер, оказавшимся ставкой Гитлера в Зигинберге под Франкфуртом. Там они впервые узнали о том, что через четыре дня Гитлер решил нанести внезапный удар по англо-американским войскам в районе Арденнского выступа.

Эта идея зрела в мозгу «фюрера» с середины сентября. Было решено, пользуясь затишьем на восточном фронте, вырвать инициативу из рук противника, нанести удар в стык 1-й и 3-й американских армий, совершить бросок к Антверпену и тем самым лишить союзников основного порта снабжения, а затем отбросить английские и канадские армии вдоль границы Бельгии и Голландии. Острие стремительного удара отборных танковых дивизий СС было нацелено на Арденны, где был совершен прорыв в 1940 г., решивший судьбу Франции. По сведениям немецкой разведки, там держали фронт лишь четыре слабые американские дивизии.

Эта военная операция преследовала чисто политические цели, как разъяснил Гитлер в узком кругу высших нацистов. «Он пришел к выводу... что война более не могла быть выиграна чисто военными средствами. Выход из положения давало заключение почетного мира с Западом, с тем чтобы он мог бросить всю германскую мощь против Востока. Но, чтобы добиться такого мира, ему надлежало занимать выигранные позиции. Поэтому он и нанес удар через Арденны, собрав в кулак все дивизии, которые только было можно, с тем чтобы выйти к Антверпену и тем самым вбить самый настоящий клин между Америкой и Англией. Черчилль всегда боялся большевизма не меньше, чем он, и это военное поражение дало бы премьер-министру аргумент настаивать на каком-либо соглашении с Германией»⁶.

Расчеты Гитлера на сепаратный мир с западными союзниками были не столь уж беспочвенны и являлись попыткой воскресить довоенную политику «умиротворения» Германии, чтобы «не пустить русских в Европу». Известный «бернский инцидент», вызвавший серьезный кризис в советско-американских отношениях еще при жизни президента Рузвельта, был далеко не случаен. Сталин, зная своих партнеров по войне не понаслышке, особенно беспринципного Черчилля, и в какой-то мере, может быть, идеализируя более обтекаемого Рузвельта, допускал возможность сговора английского премьера «с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны»⁷.

Для Черчилля, как для самого слабого в Большой тройке, классовое и геополитическое шли рука об руку и порождали причудливую смесь опасных дипломатических расчетов, авантюристических шагов и рискованных комбинаций, которые должны

были компенсировать недостаток военной мощи Великобритании. Скорее всего, он явно увязывал свой «балканский вариант» второго фронта или, как он образно говорил, удар в «мягкое подбрюшье Европы», со своими надеждами на антинацистский переворот в Германии и сговор с правооппозиционными силами («группа Герделера»), которые должны были, как он надеялся, устранить Гитлера и открыть западный фронт. Ясно, что при таком раскладе высадка в Нормандии, против которой он вел такую упорную борьбу вплоть до Тегеранской конференции, теряла изначальный смысл.

Своей слепой верой в «удар молнии» — переворот в Германии он заразил «лондонских поляков», польское эмигрантское правительство в Лондоне и руководителей его военного крыла в Польше — Армии Крайовой, с которыми советское правительство разорвало отношения в апреле 1943 г. Далеко не случайно, что решение о так называемом Варшавском восстании было принято одновременно с совершением покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. и, вероятно, по законам авантюристического жанра, исходило из неизбежности самоликвидации нацистского режима со всеми вытекающими отсюда последствиями для восстановления довоенной Польши и захвата власти в Варшаве до прихода советских войск.

В истории важно не принимать случившееся за единственный вариант возможного. В данном случае, англичане, как оказалось, принимали желаемое за действительное. По свидетельству одного из немногих уцелевших после свирепых гестаповских чисток свидетелей тех событий министра финансов Я. Шахта, впавшего в немилость к Гитлеру, Герделер был несерьезной фигурой. «Раньше я поддерживал тесные контакты с Герделером, — вспоминал Шахт, оправданный Нюрнбергским трибуналом вопреки требованию советского обвинения, — теперь, однако, прекратил с ним все отношения, поскольку его поведение казалось мне слишком неосмотрительным». Некоторые сочувствующие оппозиции считали, что Герделер «похож на двигатель, который работает слишком шумно». Другие вообще избегали контактов с ним и боялись, что он находится «под колпаком» у гестапо, которое тем самым держало ситуацию в лагере оппозиции под контролем. По признанию Шахта, Герделер какое-то время был «уверен в себе, теперь же впал в полную протрацию. Его лицо выражало внутреннее разочарование и отчаяние»⁸. Что и говорить, нацистский режим был крепким орешком, чтобы покончить с ним изнутри.

Но вернемся к событиям на Западном фронте, которые чуть было не обернулись катастрофой для англосаксов. 16 декабря 1944 г. генерал О. Брэдли, командующий 12-й американской группой армий прибыл в ставку Эйзенхауэра, с тем чтобы обсудить с ним напряженное положение с резервами. Неожиданно дежурный офицер доложил о пока еще незначительном прорыве немцами фронта на участке

9-го корпуса генерала Миддлтона и на правом фланге 5-го корпуса генерала Джероу.

Вскоре из поступающей информации стало ясно, что прорыв немцев не был местной вылазкой, а являлся частью широко задуманного плана, нацеленного в центр 12-й группы армий с далеко идущими последствиями для союзных войск в Западной Европе. В памяти генералов всплывали мрачные картины мая 1940 г., когда именно здесь, в Арденнах механизированные корпуса вермахта совершили стремительный прорыв, закончившейся позорной эвакуацией английских войск в Дюнкерке и капитуляцией Франции. Впечатление усиливало то обстоятельство, что вновь гитлеровскими войсками командовал фон Рундштедт, один из наиболее опытных и талантливых гитлеровских военачальников.

Утром следующего дня стало известно, что немцы наступали крупными силами с применением большого количества танков, бросив в бой 24 дивизии. Им удалось пробить две большие бреши в американской обороне и использовать фактор внезапности, застав американцев врасплох или, как говорят некоторые авторы, «withtheirpantsdown» (буквально, «со спущенными штанами»). В войсках началась паника, тем более, что немцы, зная о расовом напряжении в американской армии, демонстрировали гуманность к чернокожим джи-ай, видимо, надеясь повторить свою антиколониальную тактику среди арабов на Ближнем Востоке, зато не щадили белых. В окрестностях Мальмеди имел место даже позорный расстрел американских военнопленных. Всего, по свидетельству генерала З. Вестфала, начальника немецкого генерального штаба, в плену оказалось 30 000 американских военнослужащих, а могла оказаться «в мешке» добрая четверть всех экспедиционных сил американцев⁹.

Сказалась недооценка союзниками возможностей противника, как считалось, измотанного сражениями с русскими, и явное головокружение от успехов, достигнутых легкой ценой в первые месяцы после высадки на севере Франции. Изрядно лакируя ситуацию, генерал Эйзенхауэр позднее признавал: «Перед лицом ужасных поражений... мы считали, что они окажутся неспособными начать такое большое наступление, как это, столь быстро. Другим обстоятельством, которое ошеломило нас, была сила удара»¹⁰.

Ситуация переходила в плоскость большой политики. Ставки были слишком высоки, чтобы полагаться на чудо или «военный гений» Эйзенхауэра. Первым забил тревогу Черчилль. 22 декабря после разговора с Эйзенхауэром, который лишь усилил его опасения, он решает напрямую обратиться к Сталину с просьбой о поддержке и ускорении сроков готовящегося советского наступления. Дальше — хорошо известно. В преддверии ответственных переговоров Большой тройки в Крыму в Москве, разумеется, пошли навстречу просьбе союзников и перенесли

сроки наступления, видимо, надеясь записать это в свой дипломатический актив при решении других вопросов на предстоящей конференции. «Можете не сомневаться, — писал Сталин в Лондон, поскольку самолюбивый Рузвельт переложил унижение на плечи Черчилля, предпочитая сам держаться в стороне, — что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»¹¹. Тон послания говорил сам за себя.

Начатое значительно раньше первоначально намеченного срока наступление советских войск, быстро парализовало действия гитлеровцев на Западном фронте и заставило их начать переброску частей, в первую очередь 6-й танковой армии СС — ударной силы прорыва в Арденнах, на восток. По свидетельству генерала Вестфала, «12 января 1945 г. началось великое наступление Красной Армии. Громкие шаги, которые делала эта армия, отчетливо показали, что Восточный фронт нуждается в помощи. Командование Западного фронта признавало первостепенную роль Востока с самого начала и поэтому приказало 6-й танковой армии собраться на станциях погрузки за три дня до того, как получило из ставки Гитлера указание сделать это»¹².

Так закончилась знаменитая «битва на выступе» — единственно крупное сражение в истории «второго фронта», чуть было не проигранное западными союзниками, если бы не помощь Красной Армии. Потрясение было настолько сильным, что к форсированию Рейна союзники смогли приступить только в марте 1945 г. после тщательной подготовки, когда противостоять им было уже почти некому. Поэтому, как отмечали современники, операция по форсированию Рейна напоминала «прыжок в пустоту». Общие потери двух американских дивизий составили 31 человек.

Старая истина: можно выиграть войну и проиграть мир. Это было, пожалуй, главное, что на протяжении всей войны волновало союзников «поневоле» — участников антигитлеровской коалиции, будь то в Вашингтоне, Лондоне или в Москве. Каждый из них имел далеко идущие послевоенные цели, которые стремился упорно отстаивать в соответствии со своими национальными интересами, какие бы при этом публично не высказывались общегуманные соображения о грядущем мироустройстве как, например, «четыре свободы», сформулированные Рузвельтом в Атлантической Хартии. Законы геополитики в духе «реалполитик» действовали с неумолимой силой, хотя внешне, главным образом для внутренней аудитории, и прикрывались либеральным идеализмом или пацифистской фразеологией.

С первого дня войны, даже еще до официального в нее вступления в декабре 1941 г., наибольший интерес к обустройству послевоенного мира на выгодных для себя началах проявляли американцы. Их можно было понять: они не были в кольце вражеской осады,

как англичане, и не подверглись вероломному нападению Германии, как русские. Вполне можно было поразмышлять, как это делал президент Рузвельт, на тему о том, «ради чего эта война ведется». Понимал это он или нет тогда, но с высоты сегодняшнего времени ясно, что это был судьбоносный момент в истории Америки, который определил ее благополучие и доминирование в мире на десятилетия вперед и заложил основы современной миросистемы. Этот момент важно было не упустить. Влиятельный американский журнал «Форин афферз» уже в наши дни отмечал, что «большая часть мира сегодня живет в рамках системы, которая, с одной стороны, основана на мощи США, с другой — узаконена их либеральными идеалами... , которую США помогли основать после окончания Второй мировой войны»¹³.

Началом реализации подобных планов можно считать сепаратную англо-американскую встречу на высшем уровне в середине августа 1941 г. в бухте Арджентия на Ньюфаундленде, вошедшую в историю как Атлантическая конференция, к участию в которой не был приглашен Советский Союз. Американцы, пользуясь моментом, торопились правильно «расставить акценты» в отношениях с англичанами и не считали нужным протянуть руку русским до прояснения обстановки на Восточном фронте, а возможно, и чтобы «дать сигнал» японцам в ответственный момент выбора ими, как хорошо знали в Вашингтоне, дальнейшего направления агрессии.

Можно сказать, что именно тогда определились «особые отношения» между Вашингтоном и Лондоном, действующие и по сей день, в которых американская сторона, пользуясь ослаблением «владычицы морей», стала играть роль первой скрипки, а премьер-министр Черчилль смирился с ролью, как он говорил с грустной иронией, «лейтенанта Рузвельта». Как отмечает популярный современный американский автор Ф. Закария, «вторая мировая война стала последним гвоздем, вбитым в гроб экономической мощи Британии»¹⁴.

Уже тогда, на борту крейсера «Огаста», где проходили переговоры двух титанов западного мира, между ними обнаружился принципиальный разногласия в отношении будущего миропорядка, которые обычно возникают между восходящей и нисходящей державами. Если американцы стремились к основательной «ревизии» довоенной международной системы в свою пользу при условии, что фортуна войны будет на их стороне, то англичане выступали как твёрдые охранители статус-кво, что означало, прежде всего, сохранение и защиту ими своей колониальной империи и довоенной политической конфигурации в Европе.

Как пишет П. Брендон, автор недавно опубликованной работы по истории английского колониализма, «статус-кво устраивал Черчилля, но он не устраивал человека, на которого тот смотрел как на спасителя Британии — Ф. Д. Рузвельта. Президент

был вильсонским либералом, борцом с колониализмом... Черчилля чуть не хватил удар, когда Рузвельт сказал по поводу Индии: «Я не понимаю, как мы можем вести войну против фашистского рабства и в то же время не стремиться к освобождению людей во всем мире от оков отсталой колониальной политики»¹⁵.

Время, как будто, вернулось к тому моменту, когда оно так неудачно оборвалось для американцев в конце Первой мировой войны, завершившейся Версальской мирной конференцией и неудачей президента В. Вильсона с участием США в Лиге Наций. Очевидец и участник тех событий президент Рузвельт (в то время скромный заместитель военно-морского министра, о случайной встрече с которым Черчилль, тогда уже глава адмиралтейства, даже и не помнил), не хотел, чтобы Соединенные Штаты во второй раз упустили свой исторический шанс потеснить конкурентов и установить свое доминирование в мире.

14 августа на конференции была принята историческая Атлантическая хартия, отредактированная лично Рузвельтом, и представляющая собой свод хорошо известных международно-правовых и общепацифистских принципов ведения войны и организации послевоенного мира. В частности, в Хартии говорилось, что Англия и США не ставят цели территориальных или иных приобретений и захватов, и не согласятся на какие-либо территориальные изменения, не согласованные со свободно выраженной волей народов, что можно было рассматривать как прозрачный намек на советско-германский пакт о ненападении и его последствия для политической карты Европы. Далее, не без намека на экономические интересы авторов Хартии, провозглашалось право как больших, так и малых народов иметь доступ на «равных основаниях» к торговле и мировым источникам сырья в духе взятой американцами на вооружение еще в конце XIX в. доктрины «равных возможностей», «свободы торговли» и «открытых дверей», что было приоритетной целью политики наращивания внешнеэкономической экспансии США, проводимой госсекретарем в администрации Рузвельта К. Хэллом.

Не секрет, что англичане крайне болезненно восприняли усилия США использовать подписанный документ, чтобы потеснить Великобританию в зонах ее традиционного господства, прежде всего в английских колониях с их богатыми рынками и источниками сырья. Не случайно Черчилль так настойчиво отстаивал режим «имперских торговых преференций» и, в конечном счете, добился внесения в Хартию оговорку, что ее положения будут осуществляться «с соблюдением существующих обязательств». В работе «Франклин и Уинстон» современный американский автор Джон Мичэм пишет: «Англичане были больше заинтересованы в военных заявлениях и очень нервно реагировали на возможные последствия Хартии для империи и ее системы закрытой торговли, но

в тот момент Черчилль решил, что будет разумнее подчиниться желаниям Рузвельта»¹⁶.

В Москве хорошо понимали, что движет авторами Атлантической хартии. При всех имеющихся между западными союзниками разногласиях, послевоенный мир виделся им англо-американским миром, а СССР, как говорилось с понятным раздражением в одном из закрытых документов НКВД, была уготована роль «бесплатного приложения других держав»¹⁷. Это не могло не вызывать чувства негодования в Кремле, хотя, если не поддаваться эмоциям, вполне соответствовало сталинскому представлению о «соотношении сил» и критическому военному положению Советского Союза в начале войны с Германией.

В то же время демонстративное отстранение СССР от участия в конференции едва ли можно было назвать примером политической мудрости и удачным началом консолидации коллективных сил на отпор агрессорам. Дело выглядело таким образом, что пока одни сражались — другие думали о дележе трофеев еще задолго до победы. В беседе с английским министром иностранных дел А. Иденом в декабре 1941 г. Сталин, в свойственной ему манере, жестко расставит акценты. «Невольно создается впечатление, что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые стремятся установить мировое господство, а против СССР», — заявил он¹⁸.

Правда, блюстители политической морали вполне могли сослаться на предвоенный опыт, когда, по словам Черчилля, Англия вела борьбу «не на жизнь, а на смерть», а СССР и Германия в это время занимались «переустройством» европейского пространства. Так или иначе, не вдаваясь в нравственные тонкости, а больше заботясь о своих перспективных интересах советское правительство отказалось от участия в Межсоюзнической конференции в Лондоне, назначенной на 27 августа, хотя и не возражало по существу против положений Хартии. Скорее, речь шла о том, чтобы с самого начала установить правильный тон в отношениях с союзниками и не допускать своей дискриминации, даже когда ситуация на фронте была катастрофической.

По мнению ряда отечественных и зарубежных авторов, США приступили к практическому планированию послевоенного мира вскоре после своего вступления во Вторую мировую войну в декабре 1941 года¹⁹. Ключевой вопрос при этом заключается в том, как Соединенным Штатам, уклонившись от принятия на свои плечи основного груза войны и переложив его на другие державы, прежде всего СССР, удалось, тем не менее, добиться таких впечатляющих дипломатических результатов и долговременного влияния в мире. Ответ следует искать в выгодном геополитическом положении Америки, активной военной политике и успешном внешнеполитическом маневрировании администрации Рузвельта, обеспечивших американской элите выход на выигрышные позиции в мире.

Архитектором этой политики являлся Белый дом и лично сам Рузвельт, опытный и искусный политик мирового масштаба, который не даром у тех, кто его хорошо знал, ассоциировался с образами «льва и лисицы». На проницательного собеседника он, как правило, производил неизгладимое впечатление. Посетивший его еще перед войной министр финансов Германии Я. Шахт, сам «старый лис» в политике, отмечал: «Без сомнения, это был превосходный политический игрок, человек большого ума, обладавший при всей своей откровенности, определенной скрытностью». Рузвельт напоминал ему «некто от современного менеджера, действующего по импульсу и интуиции»²⁰.

В политике Рузвельт всегда придерживался золотого правила «не опережать события». Поэтому американская общественность до поры, до времени кроме общих фраз из Атлантической хартии о борьбе сил свободы и демократии с силами зла и тирании, не была информирована и оставалась в неведении в отношении глобальных замыслов Вашингтона. В тайне от народов рождалась не только война, но и послевоенный мир, который должен был прийти ей на смену. Опросы общественного мнения все больше входили в моду в США, и проведенный в сентябре 1942 г. службой Гэллага такой опрос обнаружил, что 40% американцев вообще не представляли себе, «к чему была вся эта война»²¹.

Судя по многим косвенным признакам, полной ясности на том этапе, кроме самых общих представлений об интересах Америки, не было и у самого президента. Его «великий замысел», как позднее назовут планы американского переустройства мира, действительно, покоился скорее на интуиции, чем на просчете возможностей и вариантов при определении вектора интересов правящей элиты США. Слишком много еще оставалось неизвестных величин. Идея «американского века», вброшенная в общественный дискурс Генри Люсом, многим казалась слишком смелой и далеко не бесспорной, а главное насколько практически осуществимой?

Характерной явилась реакция на выступление 8 мая 1942 г. вице-президента Г. Уоллеса, кумира либерального крыла демократической партии, которое громко называлось «Цена победы свободного мира». Выдержанное в популистском духе, оно на «ура» было встречено в лагере левоцентристской общественности. В своем выступлении Г. Уоллес провозгласил в традициях «нового курса» Рузвельта наступление «века простого человека» и призвал осуществить идеалы «народного мира».

Зато в цитадели консерватизма — госдепартаменте к нему отнеслись весьма скептически. Принимая гостя из Великобритании, помощник госсекретаря А. Берл с сарказмом откликнулся на просьбу того прокомментировать выступление вице-президента: «Мир, который описал Уоллес, потребует богов, чтобы управлять им. Я не знаю, как с этим обстоят дела

у вас, но здесь, в Вашингтоне, ощущается явная нехватка архангелов»²².

Американские политики, родившиеся в конце XIX в., были воспитаны на возведенных к тому времени в ранг государственной доктрины США идеях «предначертания судьбы», американской «исключительности» и «богоизбранности». Идея американской «исключительности» была близка политическому складу ума президента Рузвельта, хотя в отличие от своих многочисленных послевоенных преемников из демократической партии США, вплоть до Б. Обамы, он публично избегал называть вещи своими именами. Другое дело в кругу близких и доверенных лиц.

Как-то беседуя с сыном в поздний час, когда конец войны еще не был виден, президент разоткровенничался: «Дело в том, что в действительности мы вовсе не идем к единой цели, если говорить не о показной стороне... Война — дело сугубо политическое. Если страна не находится в слишком уж отчаянном положении, она старается вести войну таким образом, чтобы в конечном счете извлечь из нее наибольшие политические выгоды, а не так, чтобы окончить ее возможно скорее».

Словно сверяя сказанное с собственными мыслями, президент в этот момент рассеянно выводил на листе бумагу большую четверку, которая, вероятно, должна была символизировать главных союзников — США, СССР, Великобританию и Китай. Вернувшись из задумчивости, он уверенно продолжал: «Соединенные Штаты должны будут взять на себя руководство... Мы сумеем играть такую роль, потому что мы велики и сильны, потому что у нас есть все, что нам нужно... Америка — единственная из великих держав, которая может закрепить мир во всем мире»²³. Интересно, что, как Рузвельт, так и его многочисленные последователи видели в доминировании «богоизбранной» Америки «всеобщее благо», а не голый расчет, и не сомневались, что, в результате этого, мир станет только лучше. Удивительный пример «искреннего лицемерия», свойственный американской политике вплоть до сегодняшнего дня.

На самом деле, если отбросить красивую риторику, Америка видела в войне прежде всего путь к достижению своих экономических целей. В госдепартаменте, избегая вдаваться в детали, уклончиво говорили о создании «новой системы» или о закладывании «основ обновленного международного порядка», широко используя при этом человеколюбивую фразеологию. Понятно, что подобного рода туманные заявления американских руководителей ни к чему особенно не обязывали и создавали странное впечатление, что все в мире, пока США выжидали за гладью двух океанов, наладиться «само собой» к выгоде Америки.

Однако идеальный сценарий, на который очень рассчитывали в Вашингтоне, не удался. Коварный удар японцев по американскому флоту на Тихом океане спутал все карты Вашингтона и вынудил Рузвельта

объявить Японии войну. Но даже в «день позора», как окрестили в США 7 декабря 1941 г., Белый дом продолжал цепляться за соломинку, откладывая объявление войны главному союзнику Японии по «Тройственному пакту» — Германии, пока за американцев это не сделал сам Гитлер, за которым тенью последовал и Муссолини.

Война окончательно приобрела глобальный характер. Сценарий вступления в войну «под занавес», как это получилось в Первую мировую войну с высадкой экспедиционного корпуса генерала Першинга в Европе лишь в апреле 1917 г., на этот раз не удался. Стоит ли удивляться, что тактика «выжидания» или «лёгкой войны», как окрестили в Москве политику уклонения от преждевременного вступления США в войну («никаких разговоров о войне», инструктировал Гопкинса президент перед визитом своего посланца к Сталину в июле 1941 г.), плавно переросла в тактику «затягивания» активного участия в ней. Даже став воюющей стороной, воевать в Вашингтоне собирались малой кровью, желательно чужой.

Надо отдать должное президенту Рузвельту: он умел мыслить глобально, увязывая между собой ключевые вопросы большой стратегии войны и послевоенного мира. Его не отвлекали в такой степени, как его советского союзника, каждодневные дела на фронте, и он мог позволить себе больше времени уделять будущему и, что называется, «заглядывать за горизонт». А оно, это будущее, в его воображении выглядело все более заманчивым и достижимым. Война принимала явно затяжной, долговременный характер, истощая основных участников к выгоде США. Нужна была яркая идея, которая могла сплотить народы на борьбу с фашизмом и стать, после коллективной победы в войне, основанием прочного мира, разумеется, мира победителей. Такой вдохновляющей идеей стала идея Объединенных Наций, пока еще не организации, а достаточно аморфной широкой коалиции всех антифашистских, демократических сил.

1 января 1942 г. 26 государствами была подписана Декларация Объединенных наций, текст которой был предложен англо-американской стороной после консультаций с советским правительством и с учетом внесенных им замечаний и поправок. Опыт размовки с Москвой при подписании Атлантической хартии был явно учтен в Вашингтоне. Отражением действительного положения дел, сложившегося между объединившимися против фашизма государствами, стал порядок подписания Декларации. На первое место среди участников антигитлеровской коалиции были поставлены СССР, США, Великобритания и Китай, а остальные страны были перечислены в порядке английского алфавита.

Китайское правительство Чан Кайши оказалось в привилегированном положении в большой степени благодаря личной протекции президента Рузвельта, который связывал большие надежды на будущее для интересов США в Азии и на Тихом океане с гоми-

дановским Китаем, при подозрительной реакции со стороны Черчилля и сдержанном отношении Советского правительства. Зато в Декларации, опять-таки под нажимом США, вовсе не была упомянута Франция под надуманным предлогом, что генерал де Голль представлял мол «движение», а не государство.

На самом деле Вашингтон не мог простить «заносчивому» французу его самостоятельность и преданность делу возрождения Франции, что вылилось в открытый конфликт в декабре 1941 г. между ними по поводу французских островов Сан-Пьер и Микелон, на которые «положили глаз» Соединенные Штаты, пользуясь возникшим безвластием во французских владениях и не ожидая получить отпор со стороны «свободных французов». Кроме того, личную неприязнь к генералу де Голлю — «руководителю всех французов», Рузвельт подкреплял своей уверенностью, что статус великой державы Францией был потерян навсегда.

Тем временем, пока Советский Союз нес на своих плечах основную тяжесть борьбы с общим врагом, руководители США и Великобритании, срывая раз за разом свои обязательства об открытии второго фронта во Франции и выдавая за него второстепенные действия своих войск на других театрах военных действий, все глубже погружались в обсуждение послевоенных проблем. Тон, как уже повелось, задавали американцы и лично сам президент Рузвельт. Как вспоминал генерал де Голль, «премьер-министр взял за правило не предпринимать ничего важного без согласия Рузвельта... хотя его коробило от тона превосходства, который усвоил по отношению к нему президент»²⁴.

По мере приближения конца войны, отношение к ней как к политическому «предприятию» в уме президента еще более укрепилось. В январе 1943 г., генерал Д. Эйзенхауэр, чья полководческая звезда уверенно всходила после высадки англо-американских войск в Северной Африке, вспоминал о своей беседе с Рузвельтом на конференции в Касабланке: «Хотя он признавал серьезность военных проблем, стоящих перед союзниками, большинство его замечаний касалось отдаленного будущего, задач послевоенного времени, включая положение колоний и зависимых территорий»²⁵.

После Сталинграда, лишившего Гитлера шансов на победу в войне, Рузвельт чувствует все большую необходимость обсудить послевоенные планы с главным союзником — СССР и предпринимает в этих целях сложные дипломатические маневры, чтобы организовать двустороннюю встречу со Сталиным. Но кремлевский вождь всячески уклоняется от этой встречи, давая понять, что без решения вопроса о втором фронте такая встреча не имеет смысла. Точки в большой геополитической игре расставлены точно, и Рузвельту приходится на время смириться и ограничиться обсуждением послевоенных проблем в обществе более покладистых ан-

гличан. В марте 1943 г. с этой целью в Вашингтон с трехнедельным визитом прибыл глава английской дипломатии А. Иден.

В ходе англо-американских переговоров, начавшихся с обсуждения европейских проблем, быстро выяснилось, что Рузвельт не был готов безоговорочно признать интересы СССР. Он продолжал настаивать на непризнании вступления прибалтийских республик в состав СССР без проведения нового плебисцита, ставя под сомнение результаты выборов 1940 г. Когда Иден, вышколенный выпускник Итона, все-таки позволил себе прервать монолог президента словами, что, мол, «Сталин не пойдет на это», то услышал в ответ, что президент это понимает, но исходит из того, что США и Англия могли бы использовать свое возможное согласие в качестве козыря, для того чтобы «заставить Россию пойти на уступки».

Главное место в переговорах заняла судьба Германии, поражение которой в войне Рузвельту уже казалось предрешенным. Он хорошо помнил, какими социальными потрясениями для Германии и всей Европы закончилась предыдущая мировая война, и не хотел повторения подобных событий еще в более широких масштабах, тем более что с востока надвигалась «революционная» советская мощь. Надо было обладать поистине незаурядным талантом политика, чтобы избежать новой революционной бури и нейтрализовать СССР. Задача казалась почти невыполнимой. «Я сказал, — записал вмешавшийся в разговор Г. Гопкинс, — что, если только мы не будем действовать быстро и наверняка, может произойти одно из двух: либо Германия станет коммунистической, либо там наступит полная анархия; что фактически то же самое может произойти в любом европейском государстве, а также в Италии»²⁶.

Президент немедленно поддержал своего ближайшего помощника и согласился с тем, что дело будет обстоять куда проще, если в момент краха Германии «серьезные силы английских и американских войск» будут находиться в Европе. Это был серьезный сигнал Черчиллю, что с его «балканской стратегией» пора было кончать, хотя до практического решения вопроса о втором фронте было еще далеко. Наступал момент, когда военные и политические вопросы сливались в единое целое.

Стороны легко согласились и с необходимостью расчленения Германии на ряд слабых и нежизнеспособных государств, что, по их мнению, в духе полицейской тактики помогло бы избежать «революционного взрыва». Как отмечал Иден, «президент определенно выступал за расчленение на этой стадии войны». В телеграмме Черчиллю министр сообщал, что он сам «в целом высказался за идею расчленения, поскольку вы неоднократно высказывались при мне в ее поддержку»²⁷. На тот момент ненависть к нацистам, грубо нарушившим правила «честной конкуренции», перечеркивала все другие соображения в умах западных политиков.

Если обсуждение европейских проблем в Вашингтоне прошло сравнительно гладко перед лицом Советского Союза, то в отношении будущих глобальных геополитических перемен на карте мира между западными союзниками такого единства не наблюдалось. Конечно, Иден был не Черчилль, который «с пол оборота» приходил в ярость при попытках покушения на британскую «собственность», министр соблюдал почтительную дистанцию и больше слушал президента, чем возражал ему, но для Англии перспективы от этого не становились легче. Англичанам ясно давали понять, кто в семье был новым хозяином.

В Белом доме от туманных фантазий переходили к конкретным проектам по переделу мира в свою пользу за счет старых колониальных империй и в этой связи большие надежды на успех связывали с выдвинутой идеей опеки над зависимыми территориями. Накануне приезда Идена в Вашингтон Рузвельт одобрил подготовленный в стенах госдепартамента меморандум о «международном контроле» над зависимыми народами и территориями и вручил его экземпляром главе Форин офис, хотя из общения с Черчиллем хорошо знал о негативном отношении англичан к американской затее.

Особое место в озвученных Рузвельтом послевоенных планах США занимал раздираемый гражданской войной и японской интервенцией Китай. Это была едва ли не любимая тема президента, которую он с несвойственным для него азартом развивал перед скептически настроенным Иденом. Находившийся уже долгое время в состоянии внутреннего коллапса Китай, явился первым крупным направлением внешней экспансии США с конца XIX в. и провозглашения доктрины «открытых дверей» (доктрина Хэя, 1899 г.). Считая, что наступил подходящий момент, США стремились занять там место других держав-конкурентов, прежде всего императорской Японии.

Если Черчилль насмешливо отзывался о китайцах как о «свинных хвостиках», насмехаясь над их традиционными косичками, и презрительно говорил о китайских военных как о «кули в униформе», то Рузвельт публично был всегда предельно вежлив и уважителен, демонстративно дистанцируясь от «старых колонизаторов». США делали ставку на го-миндановский режим и, чтобы продемонстрировать свою лояльность и чувство нового, 11 января 1943 г. заключили с ним договор об отказе от экстерриториальных прав, навязанных Китаю в предыдущем веке под давлением англичан.

В этой части Иден сообщал премьер-министру по итогам переговоров в Вашингтоне: «Президент говорил о необходимости объединить Китай с другими державами при решении мировых проблем. Я не проявил энтузиазма, но президент считает Китай по меньшей мере потенциальной мировой державой. Он полагает, что анархия в Китае была бы столь серьезным бедствием, что Чан Кайши надлежит оказать всемерную поддержку»²⁸.

Вместе с тем, зная о традиционных страхах англичан в отношении «русской экспансии» в Азии и в связи с этим их длительным кооперированием с японцами, пока страна «восходящего солнца» не вышла «из-под контроля», Рузвельт, умеющий играть на всех досках, попытался соблазнить англичан перспективой создания нового «баланса сил» на Дальнем Востоке, взамен разрушенного войной. Китаю предназначалась в нем ключевая роль. Поэтому президент с жаром убеждал Идена, что при любом серьезном столкновении с Россией Китай будет «на нашей стороне». Англичанину эта логика была близка и понятна. Поэтому, вернувшись в Лондон, министр доложил военному кабинету, что Соединенные Штаты «вероятно, рассматривают Китай в качестве возможного противовеса России на Дальнем Востоке»²⁹.

Рузвельт, конечно, не предполагал, каким сокрушительным провалом, когда его уже не будет в живых, закончится для американцев ставка на го-миндановский режим, но его прозорливость в отношении великого будущего Китая последующая история полностью подтвердила. Война разрешала одни противоречия и на их место ставила новые. А сила предвидения политиков, даже самых выдающихся из них, имела свои пределы.

И все-таки, самым любимым детищем американского президента в перечне послевоенных дел стал проект создания мировой организации, с осуществлением которого он связывал грандиозные планы Америки на будущее. Организация, по его первоначальному замыслу, должна была стать центральным звеном новой системы мировой взаимозависимости, олицетворением коллективизма и чуть ли не мировым правительством под эгидой США.

Основная дилемма на том первоначальном этапе для Рузвельта заключалась в том, будет ли это узкий круг «четырёх полицейских» — главных союзных держав, ответственных за судьбы мира, или это будет более широкая структура, как настаивали англичане, где каждая «маленькая птичка», по словам Черчилля, могла петь своим голосом. В Москве, до поры до времени, внимательно следили за событиями, но не определялись на этот счет.

С деятельностью этой новой международной организации связывалось решение многих политических и экономических проблем в интересах США в ослабленном войной мире и в соответствии с новым американским мессианским стилем в духе поисков согласия, компромиссов и достижения широкого международного консенсуса. Поэтому в ходе переговоров в Вашингтоне Рузвельт не поддержал английское предложение о создании ряда региональных организаций, по типу «восточноевропейских федераций» в противовес мировой организации и, в конце концов, убедил Идена принять американское предложение.

30 марта на пресс-конференции в Белом доме, Рузвельт сообщил о прошедших переговорах и за-

явил, что он надеется провести подобные переговоры с русскими. Наиболее амбициозная часть американской элиты, которую уже начинал волновать вопрос, не собирается ли президент «выиграть войну и проиграть мир», на время успокоилась. Американцы явно брали дело мирного урегулирования крепко в свои руки.

Можно сказать, что в основе послевоенного мегaproекта Рузвельта по переустройству мира лежал геополитический подход. Прагматик до мозга костей, он весьма скептически относился к любой идеологии, на словах делая исключение лишь для религии, хотя при этом особенно никогда не выставлял напоказ свою религиозность. В отношениях с Москвой это имело как свои плюсы, так и свои минусы. Как-никак, в основе советской внешней политики лежала марксистско-ленинская идеология, учение о неминущей гибели капитализма и торжестве коммунизма в мировом масштабе, хотя в годы войны эта тема и была сильно приглушена.

Многое зависело от того, какой подход возобладает в Кремле — классовый, идеологический, так называемая «линия Коминтерна», как его окрестили на Западе, или деловой, прагматический, или сочетание того и другого. Во всяком случае, Рузвельт, еще до своей личной встречи с главой советского правительства несколько самоуверенно считал, что «он, как и Сталин, являются реалистами» и что это мол поможет им найти общий язык, как добросовестно передавал в Москву содержание беседы в Белом доме 11 апреля 1942 г. советник посольства СССР в Вашингтоне А. А. Громыко³⁰.

Судя по многим косвенным признакам, Рузвельт, несмотря на всю свою уважительную публичную риторику в отношении Советского Союза предназначал ему в послевоенном мире место младшего, «ведомого» партнера США. Он, скорее всего, исходил из того, что Соединенные Штаты по своим разбухшим войной колоссальным экономическим и военным возможностям являлись глобальной державой «двух океанов», в то время как Советский Союз — великой региональной, континентальной или евроазиатской державой, хотя последний термин не был тогда в ходу в мировых столицах. Заметим, что этот самоуверенный менталитет американского превосходства давал о себе знать еще задолго до появления «атомной дипломатии».

Следовательно, согласно подобной логике и принимая во внимание, что из войны, вопреки некоторым прогнозам, Советский Союз выходил не ослабленным, а отоброшенным и окрепшим, с ним нужно было договариваться, а не конфликтовать. А для этого важно было принимать во внимание его жизненные интересы и, по возможности, пойти им навстречу. Тем более что они были на порядок скромнее, чем американские и не распространялись на весь мир, а в основном касались Европы и, в меньшей степени, Дальнего Востока. Рузвельт, вероятно, полагал, что послевоенный мир был достаточно велик, чтобы

СССР и США смогли в нем ужиться, не сталкиваясь между собой и обходя острые углы. Тем более что в отношении Европы, истощенной двумя мировыми или, как тогда говорили, самоубийственными «гражданскими» войнами, он считал, что наступил ее закат.

Все это подразумевало, в порядке рабочей гипотезы, и большую сферу временно совпадающих интересов США с СССР в зоне имперских интересов старых колониальных держав, серьезно ослабленных войной и отброшенных на обочину мировой политики, не говоря уже о кандидатах в побежденные — державы «оси», за счет которых американцы прежде всего намеревались осуществить новый передел мира впервые в истории под благородными лозунгами его демократизации и освобождения от всякого угнетения и тирании.

Объективно, интересы США и СССР в известной степени и до определенного предела совпадали в отношении «старого колониализма». С момента своего создания советское государство последовательно выступало против всех форм колониального и расового угнетения и неравенства, рассматривая освободительную борьбу народов колоний как часть всемирного революционного процесса. Если в отношениях с Англией это вызывало острые трения на межгосударственном уровне, то с американцами, наоборот, до поры до времени сближало при всем различии конечных целей двух главных союзников. Не случайно, на встречах Большой тройки Сталин одобрительно воспринимал американские планы «опеки» над зависимыми народами и открыто упивался тем, как Рузвельт, со свойственным ему остроумием, высмеивал «неисправимого колонизатора» Черчилля.

Как видно из этого анализа послевоенных планов Вашингтона, президент — на словах большой противник раздела мира на «сферы влияния», — на деле был не так уж далек от планов создания некоего фантастического советско-американского condominiuma за счет интересов побежденных и ослабленных войной стран, где США надеялись играть руководящую роль при поддержке со стороны Советского Союза.

В Кремле тоже мыслили категориями дальнейшего сотрудничества, хотя вкладывали в него свой смысл. Еще в январе 1943 г. рупор ЦК ВКП(б) журнал «Большевик» опубликовал примечательную статью «Ленин о сущности войны», которая не осталась незамеченной союзниками. В статье в развитие идей военного стратега Клаузевица, которого высоко ценил Сталин, говорилось: «Политика и война — взаимодействующие, но неравнозначные факторы; первенство все время остается за политикой»³¹. В Кремле, как бы, предупреждали, что не только Запад, но и Советский Союз вел войну ради конкретных политических целей и интересов, или, говоря словами князя Горчакова, стремился к «улучшенному статус-кво».

Скорее всего, на том этапе советское правительство, возможно, несколько идеализируя будущее, исходило из того, что удастся найти некую магическую формулу, «modus operandi» в отношениях с западными союзниками, невзирая на мировоззренческие различия и нередко противоположные геополитические интересы. Разумеется, никто, и с приблизительной долей определенности, не мог сказать, как далеко смогут зайти стороны в сближении друг с другом ценой отказа хотя бы от части своих классовых или национальных интересов во имя более широких целей.

Тема послевоенного мироустройства, хотя и не была основной, затрагивалась по инициативе американцев на первой в годы войны встрече руководителей трех союзных держав Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. К ней вел долгий и извилистый путь, отмеченный не только закулисным политическим маневрированием и интригами, но и личными амбициями лидеров антигитлеровской коалиции. До последнего момента было не ясно, возьмут ли на себя союзники четкие обязательства в отношении второго фронта и не отступят ли в решающий момент, как это было уже не раз. Позиция Черчилля, пока на него не надавили американцы, была непримиримой и ставила под сомнение успех конференции. Но на карту было поставлено слишком многое, чтобы игнорировать требования русских. О каком послевоенном сотрудничестве могла идти речь, если бы не удалось согласовать военные вопросы. В итоге, мнение американцев одержало верх и, тем самым, открыло дорогу обсуждению на конференции послевоенных вопросов³².

Чувствовалось, что «вопрос о будущем устройстве мира», как говорил Рузвельт, занимал все его мысли. Ему большей частью и принадлежала инициатива в его постановке. Глава советской делегации, проявляя известную сдержанность на том этапе — война, как-никак, была еще в полном разгаре, — тем не менее не отказывался обсуждать эти вопросы в предварительном порядке. Советская делегация в Тегеране получила достаточно полное представление о позиции Соединенных Штатов по некоторым послевоенным проблемам.

Вырисовывалась значительная область советско-американского кооперирования. Именно после Тегерана Рузвельт стал все больше расходиться с консерватором Черчиллем, обеспокоенного, прежде всего, судьбой британской империи и восстановлением довоенного европейского «равновесия». По ряду ключевых политических проблем позиции СССР и США были близки или совпадали. Это касалось вопросов создания международной организации, деколонизации, учреждения механизма опеки или попечительства, разоружения побежденных государств, коллективной безопасности, предотвращения новой агрессии и др.

Обозначились также реальные контуры участия США в послевоенном восстановлении СССР. Американская сторона придавала этому вопросу большое значение в качестве рычага воздействия на СССР. Примечательно, что свою первую беседу с главой советского правительства в Тегеране 28 ноября президент начал именно с обсуждения этих перспективных вопросов, предложив передать Советскому Союзу после войны часть американского торгового флота. Его собеседник ответил, что «Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Рузвельт на это заявил, что американцам потребуется большое количество сырья, поэтому он думает, что между двумя странами будут существовать тесные торговые связи. Сталин заметил, что «если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье»³³.

Сложнее обстояло дело с вопросами, затрагивающими интересы безопасности СССР. Американская позиция при обсуждении их в Тегеране оставалась двусмысленной, если не сказать не дружественной Советскому Союзу. Отсюда и попытки Рузвельта в беседе с главой советской делегации поставить под сомнение обоснованность советской западной границы, взять под защиту эмигрантские круги, враждебно настроенные к СССР и т. д. Разумеется, энтузиазма с советской стороны эта часть переговоров не вызвала и лишь настроила на необходимость продолжать твердо отстаивать свои интересы по мере успехов Красной Армии на фронте.

Тегеранская конференция, о которой современники говорили как о крупной «встрече умов», во многом расставила акценты в межсоюзнических отношениях, продемонстрировав гибкость и дальновидность Рузвельта, прямолинейность и консерватизм Черчилля и готовность прагматика Сталина идти на уступки и договариваться с союзниками, если это не шло вразрез с коренными советскими интересами, как их понимали тогда в Кремле.

Большая дипломатическая игра, где ставкой были судьбы народов и их право на благополучие и мирную жизнь, вступала в решающую стадию с началом освобождения Европы от фашизма. Для послевоенного сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции центральным становился вопрос о принципах реорганизации освобожденных европейских государств. Особую актуальность этой теме придают участвовавшие попытки отдельных авторов в свете распада СССР поставить на одну доску «нацизм» и «сталинизм» и изобразить действия СССР по избавлению Европы от фашизма как ее новую оккупацию. Чтобы понять насколько антиисторичен этот взгляд, достаточно указать на то беспокойство, которое воцарилось в антифашистских кругах, когда Красная Армия освободила свою территорию и, теоретически говоря, могла на этом и остановиться.

В союзных столицах понимали, что ситуация в освобожденных странах Европы носила кризисный, противоречивый и взрывоопасный характер и могла осложнить межсоюзнические отношения, а поэтому искали пути к сглаживанию противоречий. Какое-то время казалось, что ответ может быть найден в старой как мир, и не раз осужденной как империалистической, концепции «сфер влияния». Рожденным в XIX в. политикам была близка классическая «*geopolitik*», хотя, отдавая дань времени, им приходилось оперировать лозунгами демократии и свободы выбора.

Не удивительно, что инициативу взял на себя циничный Черчилль, когда в октябре 1944 г. напросился на визит в Москву. Предполагая, о чем может идти речь, Рузвельт предусмотрительно дистанцировался от этого визита и расценил его как сугубо предварительный перед новой встречей Большой тройки. При этом, по подсказке Гопкинса, президент на всякий случай напомнил своим партнерам, что не было такого вопроса в этой войне, который бы не интересовал США как «глобальную державу». Отметим, это был первый случай, когда американцы открыто заявили о своих глобальных претензиях.

Черчилль, действительно, привез в Москву, как он откровенно выразился, довольно «скверный» документ, который ни много, ни мало являлся отчаянной попыткой британской дипломатии, выступавшей с позиций слабости, полюбовно договориться с советским правительством о «сферах влияния» в освобожденных странах Восточной Европы. Правда, одному богу было известно, как можно было на практике соблюсти процентные соотношения «сфер влияния», предложенные Черчиллем в отношении Венгрии, Румынии, Болгарии и Греции, не говоря уже о воле самих народов.

Однако хранящиеся в советских архивах записи бесед Черчилля и Идена со Сталиным и Молотовым дают основания судить, что советские руководители, в традициях европейской силовой политики, склонные мыслить конкретными категориями, как показал еще советско-германский «секретный протокол», в целом восприняли благосклонно неуклюжую арифметику британского премьера, вполне вероятно, видя в этом практическую возможность избежать конфликтов с союзниками. В конце концов, удалось же союзникам заранее договориться о зонах оккупации в Германии и тем самым не допустить неконтролируемого развития событий на завершающем этапе войны.

Записи советско-английских бесед в Москве дают возможность почувствовать щекотливость момента и выставляют Черчилля — страстного обличителя довоенного сговора Сталина и Гитлера как инициатора новой сделки за спиной народов. В то же время, сам факт обсуждения такой сделки, какими бы резонами это не мотивировалось, не красил советских руководителей. Может быть, поэтому реакция

Сталина была в чем-то двусмысленной или, что называется, согласием «по умолчанию», что дало повод для прямо противоположных интерпретаций с той поры его позиции как зарубежными, так и отечественными историками³⁴.

Одни считали, что поставленная на английском документе «кремлевским горцем» синяя птичка свидетельствовала о его согласии с Черчиллем, другие столь же эмоционально это отрицали. Выскажем и мы свою точку зрения на этот запутанный исторический вопрос. Скорее всего, Сталин не верил, что можно было подменить искусственной «политической инженерией» реальный политический процесс и уступал натиску Черчилля под давлением обстоятельств, памятуя в то же время об осторожной позиции, занятой Рузвельтом. В конце концов, не будем забывать, что инициатива в постановке этого вопроса принадлежала англичанам, а отказ с советской стороны «полюбовно» договориться в контексте неудержимого наступления Красной Армии мог легко создать ложное впечатление в столицах союзных держав, что победитель намеревался «получить все». А самое главное, цена согласия с советской стороны, даже если оно имело место, была не велика, так как предстояла новая встреча Большой тройки, подготовка к которой уже шла полным ходом, и которая должна была окончательно расставить все точки над «i» в этом чувствительном и непростом вопросе.

Рузвельта, как «политического менеджера», куда в большей степени волновали экономические интересы корпоративной Америки в послевоенном мире. С этой целью по инициативе Вашингтона летом 1944 г. была созвана конференция в Бреттон — Вудсе, к участию в которой был приглашен и Советский Союз. На конференции были заложены основы послевоенной международной экономической системы при верховенстве доллара в качестве мировой резервной валюты, действующей и по сей день. Ради послевоенного сотрудничества в Москве закрывали глаза на своекорыстные планы американцев, хотя и видели их скрытый смысл³⁵.

Общий настрой союзников на послевоенное сотрудничество продемонстрировала Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав, состоявшаяся 4–11 февраля 1945 г., — первая в мировой истории конференция на высшем уровне, занимавшаяся глобальными проблемами мироустройства. Речь шла в первую очередь о решении ее участниками германской проблемы, включая репарационный вопрос, оказании содействия освобожденным европейским народам в организации их послевоенной жизни, создании международной организации безопасности, координации усилий союзников в войне против Японии.

В Москве стремились сохранить на будущее сотрудничество с западными союзниками и вместе с тем добиться удовлетворения коренных интересов своей территориальной и политической безопасности, вклю-

чая окончательное признание новых советских границ как в Европе, так и на Дальнем Востоке и создания пояса дружественных соседних государств, и хотя бы частичного возмещения понесенного ущерба от германской агрессии. Это была трудно выполнимая дипломатическая задача, равнозначная, как стало принято говорить в дипломатических кругах в XXI в., искусству «делать шпагат», и потребовавшая большой гибкости на конференции от советской делегации.

Надо сказать, что в то время западные союзники не считали требования Сталина чрезмерными, хотя и не прочь были использовать отдельные вопросы в качестве «рычагов» дипломатического давления на Советский Союз. Американский историк Л. Роуз отмечал, что, узнав об «азиатских требованиях Сталина», Рузвельт «был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у России Японией по результатам войны 1904–1905 гг.»³⁶.

Примером такого «давления» стал репарационный вопрос. В Москве, видимо, не уловили момент, когда западные союзники от чувства мести к Германии и желания наказать ее за нарушение «кодекса поведения» перешли к более рациональной и классово — ориентированной политике. С американским «планом Morgентау» превратить Германию после войны в расчлененное и «пасторальное», как выражался Черчилль, государство, т. е. лишенное промышленности, было покончено под давлением американского бизнеса, тесно связанного до войны с немецкими промышленниками и финансистами. Стремление определенной части американской элиты наказать нацистскую Германию за «холокост» еврейского населения и ослабить конкурента уступило место соображениям практической выгоды и политической целесообразности.

Это была долговременная стратегия, которая увязывалась с ближайшими американскими планами. Дело в том, что Рузвельт, блестящий игрок в покер, настойчиво искал уязвимые места Советского Союза, чтобы сделать его более восприимчивым к послевоенным американским планам. Примечательно, что на самой конференции американская делегация не стала затрагивать вопрос о долгосрочном кредите на 6 млрд долл., поставленный советским правительством накануне Ялтинской конференции перед послом А. Гарриманом, видимо, ожидая повторных просьб с советской стороны. Но в роли униженного просителя Советский Союз не выступал даже в самый отчаянный период Великой Отечественной войны, когда западная помощь ему была крайне необходима.

Чтобы не создавать впечатление дипломатического фиаско на конференции, вопрос решили красиво отложить и передать на рассмотрение в специально созданную комиссию по репарациям. Рузвельт, хотя и мог, не стал выкручивать руки Черчиллю, который повел себя крайне вызывающе и непримиримо в репарационной проблеме, явно стараясь «уязвить»

Сталина. Англичане отказались зафиксировать точную цифру репараций. Для Черчилля нацизм был всего лишь случайным зигзагом истории, который уходил в прошлое, а Германия оставалась и, на новом витке истории, подтверждала старую истину, что у Англии не было вечных врагов.

Уже много лет историков занимает вопрос, что стало бы с послевоенными американскими планами, если бы президент Рузвельт не ушел из жизни 12 апреля 1945 г. в самый ответственный момент Второй мировой войны, когда победителям предстояло подвести ее окончательные итоги. Сохранил бы он верность своему «великому замыслу», в котором Советскому Союзу отводилась столь важная роль, или он не устоял бы под натиском событий и, также как его преемник, связал свое имя с наступлением «холодной войны» и распадом «великой коалиции»? В недавно увидевшей свет в США монографии ее автор Ф. Кастильола утверждает: «Если бы Рузвельт прожил немного дольше... он, вероятно, преуспел бы в осуществлении перехода к послевоенному миру под управлением Большой тройки»³⁷.

Вопрос, разумеется, риторический, так как история не знает сослагательного наклонения. Смерть президента удивительно пришлась на тот исторический момент, когда американская элита все заметнее тяготилась его политикой и считала, что Соединенные Штаты заслуживают куда большего и могут не церемониться с остальным миром. Это достаточно определенно указывает на то, что за кулисами власти в Вашингтоне, выдвигая Гарри Трумэна, сенатора от штата Миссури — человека «с кругозором командира роты», по словам одного американского автора, на второй пост в государстве на выборах 1944 г., на всякий случай страховались от неожиданностей, случись что с президентом в критический момент. Преемственность в американской столице понимали, прежде всего, как верность коренным послевоенным целям США, но не методам их достижения.

Смена курса в Вашингтоне с приходом нового человека в Белый дом, во многом по эрудиции, стилю и взгляду на мир, отличного от своего предшественника, происходила постепенно и растянулась на многие месяцы. На этом пути были свои спады и подъемы, временные отливы и приливы, потепления и похолодания, пока в американской политике полностью не возобладал дух «холодной войны».

Оценивая происходившие весной и летом 1945 г. судьбоносные для мира события, многие историки в нашей стране и за рубежом считают, что отношения между СССР, с одной стороны, и США и Великобританией, с другой, «споткнулись» из-за ситуации в странах Восточной Европы, обострившейся по мере формирования там новой системы власти. Де, Сталин не ограничился установлением в этих странах «дружественных» правительств, а повернул руль в сторону их насильственной «советизации» и насаждения в них коммунистических порядков, используя

присутствие там советских войск. В современном западном дискурсе после распада СССР тема об «оккупации» стран Восточной Европы вытеснила тему их освобождения³⁸.

Эта тема, до поры до времени резервная, стала муссироваться с весны 1945 г. в закрытых американских документах сразу же после прихода в Белый дом нового президента. Тон задавал посол США в Москве Гарриман — один из богатейших людей Америки и обладатель крупной собственности в Восточной Европе, прежде всего в Польше, экономическим интересам которого реально угрожали наметившиеся перемены. Его, все еще по инерции, в Москве почему-то продолжали считать «человеком Рузвельта» и баловали дорогими подарками.

Открыто претензии к Москве по поводу поддержки «коммунистического меньшинства» были заявлены на Потсдамской конференции летом 1945 г., когда закипели страсти вокруг выборов в освобожденных государствах³⁹. Тем самым был подан сигнал, что с политикой Рузвельта было покончено и западные партнеры не собирались мириться с установлением в Европе советской сферы влияния. С советской стороны это расценили как попытку вчерашних союзников лишить главного победителя законных плодов победы и вернуть ситуацию в Европе к довоенному состоянию.

Между тем, что бы не писали сегодня некоторые авторы, некритически реанимируя и «обогащая» оценки начала «холодной войны», ситуация не выглядела столь однозначной. Имеется масса свидетельств, что после окончания военных действий в Европе американцы и англичане, не ограничиваясь изоляцией и разгромом левых сил в своих зонах оккупации и установлением там угодных им порядков, начали решительно вмешиваться во внутренние процессы в странах Восточной Европы, освобожденных советскими войсками, на стороне своих ставленников⁴⁰.

В итоге ситуация обострялась и становилась далека от той «свободы выбора», о которой шла речь в Ялте, вынуждая Советский Союз форсировать события и помогая, в свою очередь, прийти к власти лояльным Москве политическим деятелям, причем на начальном этапе, далеко не всегда из числа прошедших «школу Коминтерна». Как известно, в политике «действие — противодействие» — абсолютный закон.

Дело было не только в освобожденной Европе. Коренной ревизии была подвергнута вся концепция «великого замысла» покойного президента, как слишком умеренная и примирительная и не отвечающая новому духу времени и возможностям США. Хотя на Дальнем Востоке война еще не закончилась и американские военные оправданно боялись, что США ждут там затяжные и кровавые бои, в ходе которых помощь СССР была необходима, по большому счету было уже ясно, что Советский Союз, ценой жизни миллионов своих солдат, разгромил главного врага и свою миссию выполнил. Именно об этом, с чув-

ством глубокой горечи и обиды, говорил в Кремле Сталин в беседе с Гопкинсом в конце мая 1945 г., все еще цепляясь за призраки прошлого и не в силах до конца поверить, что начинался новый отсчет времени.

По-разному можно интерпретировать конец войны и наступление долгожданного мира. Для одних это была «весна победы», для других закат «великой коалиции», для третьих начало «американского века». Становилось ясно, что ставка Рузвельта на изменение мировых противоречий в результате победы над фашизмом оказалась слишком смелой, преждевременной и оторванной от жизни. Мир на десятилетия вперед возвращался к довоенному межсистемному противостоянию с поправкой на вызванный войной новый «расклад сил» между основными игроками, что позднее академично назовут биполярной системой.

Америка чувствовала себя уверенной в своих силах и способной самостоятельно осуществить свое глобальное лидерство. В ее внешней политике, наряду с геополитическими «драйверами», возродились идеологические и классовые мотивы. Иначе расставлялись стратегические акценты и приоритеты. По сравнению с «временем Рузвельта» в Вашингтоне заметно возрос интерес к будущему Европы по мере осознания важности ее послевоенной консолидации на антикоммунистической основе перед лицом Советского Союза. США не собирались отказываться от доминирования в Старом Свете во имя туманных глобальных интересов.

Под влиянием наступившего после войны «революционного хаоса» усиливалась тревога за судьбы капиталистической системы в целом, что логически вело к смягчению американской политики в отношении старых колониальных держав, в первую очередь родственной Великобритании, а в не столь уж отдаленной перспективе и к побежденным вчерашним врагам. Слова, сказанные в узком кругу Сталиным о том, что после смерти Рузвельта Черчилль быстро столкнется с Трумэнном, приобретали зловещий смысл. «Дружить» англосаксы собирались против вчерашнего союзника.

До поры, до времени размах новых американских амбиций сдерживала советская военная мощь, стоявшая в центре Европы, и важность ее привлечения к предстоящей схватке с японцами. Именно поэтому в период между концом войны в Европе и завершением Второй мировой войны в целом так «лихорадило» политику Вашингтона, словно в ней шла невидимая борьба между желаемым и действительным. Безуспешные попытки нового президента надавить на СССР и «поставить его на место» сменялись примирительными жестами и шагами ему навстречу, как продемонстрировала Потсдамская конференция. Стратегическая ситуация кардинально изменилась, когда на американской стороне появился принципиально новый фактор силовой политики — ядерное оружие. Это был бесспорный большой успех

Соединенных Штатов в начинающейся конфронтации с СССР. Правда, как оказалось, успех временный.

Сталин оказался перед трудным выбором, к которому, при всем обилии имеющейся информации, он был не готов, и к которому приходилось приспосабливаться «на ходу». Ситуация в чем-то напоминала его стратегический просчет с началом войны. Политика Рузвельта, на которую делали ставку в Кремле и с которой уже свыклись как с «константой», лежала в руинах. Возникла новая внешнеполитическая реальность, угрожавшая советским планам послевоенного восстановления и интересам его безопасности. При таком стратегическом повороте, было уже не до американских кредитов, которые, даже случись они, все равно были бы «каплей в море». Обозначилась мрачная перспектива нового противостояния с Западом, необходимость наращивания военных расхо-

дов, создания «атомного щита» и вновь «затягивания поясов» для измученного войной населения после всех тягот войны.

Послевоенное сотрудничество с Вашингтоном, правда, можно было «кушиться» ценой принципиальных уступок, затрагивающих итоги войны и, скорее всего, сам характер советского строя. Причем, легко было ожидать, что требования Вашингтона будут по экспоненте нарастать по мере уступчивости партнера. Такой «выбор», близкий к капитуляции после выигранной войны, теоретически существовал. Но могло ли его принимать всерьез государство-победитель? Поэтому оставалось лишь вновь собираться с силами и после кровопролитной войны обрекать народ на новые жертвы и испытания. Так начиналась «холодная война». Трагический круг истории замкнулся.

- ¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. М., 1983. С. 107.
- ² Der Spiegel. 12/12/2013/. (<http://www.inosmi.ru/world/20131212/215617578-print.html>)
- ³ Борисов А. Ю. СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983. С. 144.
- ⁴ Marek Pruszewicz. The British Air Bombing Campaign in Irak. BBCnews. (www.bbc.com/news/magazine-29441383?print=true). См. также: Ирвинг Д. Разрушение Дрездена. Самая крупномасштабная бомбардировка Второй мировой войны. 1944–1945. М., 2005.
- ⁵ Борисов А. Уроки второго фронта, или могла ли Европа разделить судьбу Хиросимы и Нагасаки. М., 1989.
- ⁶ Tolland J. The Last 100 Days. New York, 1966. P. 40–41.
- ⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945, т. 1. С. 294.
- ⁸ Шахт Я. Главный финансист третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. М., 2011. С. 304, 306.
- ⁹ Вестфаль З. Германская армия на западном фронте. Воспоминания начальника генерального штаба. 1939–1945. М., 2007. С. 238.
- ¹⁰ Eisenhower D. Crusade in Europe. New York, 1948. P. 240.
- ¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрам Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976, т. 1. С. 348–349.
- ¹² Вестфаль З. Германская армия на западном фронте. С. 237.
- ¹³ Farrell H., Finnemore M. The End of Hypocrisy. — Foreign Affairs, November — December 2013. P. 96.
- ¹⁴ Закария Ф. Постамериканский мир. М., 2009. С. 194.
- ¹⁵ Brendon Piers. The Decline and Fall of the British Empire. 1781–1997. London, 2007. P. 392.
- ¹⁶ Meacham Jon. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York, 2003. P. 120.
- ¹⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945, т. 1. С. 104.
- ¹⁸ Там же. С. 189.
- ¹⁹ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 207.
- ²⁰ Шахт Я. Главный финансист третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. М., 2011. С. 304, 306.
- ²¹ The Price of Vision. The Diary of Henry A. Wallace. 1942–1946. Ed. by J. Blum. Boston, 1973. P. 104, 128–129.
- ²² Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932–1945. New York, 1979. P. 359.
- ²³ Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947. С. 137–138.
- ²⁴ Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. 1940–1942. М., 2003. С. 225–229.
- ²⁵ Eisenhower D. Crusade in Europe. P. 136.
- ²⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2. М., 1958. С. 385.
- ²⁷ Carlton D. Anthony Eden. A Biography. London, 1981. P. 191–192.
- ²⁸ Eden to Churchill, 29 Mar. 1943 Avon Papers, Foreign Office 954/22, PRO; The Earl of Avon, The Eden Memoirs: The Reckoning, London, 1965. P. 373.
- ²⁹ Carlton D. Anthony Eden. P. 195–197.
- ³⁰ Международная жизнь, 1970, № 5. С. 37; см. также: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. В 2-х т. М., 1984, т. 1, 1941–1943. С. 159–159.

- ³¹ Большевик, 1943, № 1. С. 47.
- ³² *Bohlen Ch.* Witness to History. 1929–1969. P. 148; Lord Moran. Churchill. Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966. P. 140–141.
- ³³ Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. М., 1978. С. 133, 173, 190.
- ³⁴ *Churchill W.* The Second World War, v. 6. London, 1948. P. 196–197; Lord Moran. Churchill. Taken from the Diaries of Lord Moran. P. 193–194; *Resis A.* "The Churchill — Stalin Secret "Percentages" Agreement in the Balkans, Moscow, October 1944. American Historical Review, LXXX111, 1978. P. 368–387.
- ³⁵ Изпоследних работ м. *Benn Steil.* The Battle of Bretton — Woods: John Meinard Keines, Harry Dexter White and the Making of a New World Order. Princeton University Press, 2013.
- ³⁶ *Rose L.* After Yalta. America and the Origins of the Cold War. New York, 1973. P. 25.
- ³⁷ *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances: Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton University Press, 2013. P. 318.
- ³⁸ *Applebaum A.* Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956. Doubleday, 2012; *Snyder T.* Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin, 2012; *Рус Л.* Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав. М., 2012.
- ³⁹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). Сборник документов. М., 1980. С. 172.
- ⁴⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin. The Potsdam Conference 1945, v. I–II. Washington, 1960, v. I. P. 317–321, 357–420, 714–790, 826–840.